

Первая публикация: Latour B. Where are the missing masses? Sociology of a few mundane artifacts // Wiebe Bijker and John Law (eds.). Shaping Technology / Building Society. Studies in Sociotechnical Change. Cambridge/Mass.: MIT Press. 1992. P. 225--259. Перевод осуществлен по интернет-версии: Latour B. Where are the Missing Masses? Sociology of a Door // <http://www.ensmp.fr/~latour/articles/article/050.html>.

Где недостающая масса? Социология одной двери

Брюно Латур

*In Debaty o politike i kul'ture no. 2(34)/2004 online :
<http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/lat1.html>*

В честь Роберта Фокса

С точки зрения некоторых физиков, во вселенной не достает определенного количества массы, чтобы подтвердить модель, выстраиваемую космологами. Они везде ищут недостающую массу, которая могла бы в результате дать ожидаемую ровную сумму. То же самое происходит и с социологами. Они постоянно, с некоторым отчаянием, сосредоточены на том, чтобы обнаружить социальные связи, достаточно прочные, чтобы объединить всех нас, или моральные законы, которые были бы достаточно незыблемыми, чтобы заставить нас вести себя должным образом. При суммировании социальных связей мы не получаем требуемого итога. Нестойкие и слабые моральные принципы -- вот и все, что могут обнаружить социологи. Общество, которое они пытаются воссоздать при помощи тел и норм, постоянно разрушается. Чего-то все время не хватает. Такого, что было бы строго социальным и высоко моральным. Где же они могут это найти? Повсюду -- но слишком часто они отказываются это видеть, несмотря на большое количество исследований, которые ведутся в области социологии артефактов. Я уверен, что социологи окажутся более удачливыми, чем космологи, поскольку скоро обнаружат искомую недостающую массу. Чтобы свести баланс нашего общества, мы просто должны переключить наше внимание с людей и посмотреть на нечеловеков. Вот они, скрытые и презренные социальные массы, которые дополняют нашу мораль. Они стучат в дверь социологии, требуя учета при подведении общественного баланса так же настойчиво, как это делали человеческие массы в XIX веке.

1. Описание одной двери

Я начну свое исследование с коротенькой надписи, сделанной каким-то анонимом. В этом году, холодным февральским днем, на дверях Палаты кож в парке La Villette^[1] в Париже, где группа Роберта Фокса пытается уговорить французов заняться социальной историей науки, можно было увидеть маленькое, сделанное от руки объявление: ЪДоводчик бастует, ради Бога, закрывайте двери. Это соединение трудовых отношений, религии, объявления и техники в одном единственном весьма незначительном факте и есть та разновидность вещей, которую мне хотелось бы описать, чтобы обнаружить недостающие массы. Как технолог, преподающий в инженерной школе, я хочу бросить вызов некоторым предположениям социологов, которые они часто выдвигают относительно Ъсоциального контекста механизмов.

Стены -- это прекрасное изобретение, но не будь в них никаких отверстий, было бы невозможно попасть внутрь или выйти наружу -- они были бы чем-то вроде мавзолеев или склепов. Проблема состоит в том, что, если вы делаете отверстия в стенах, что-то или кто-то может входить внутрь и выходить наружу (коровы, посетители, пыль, крысы, шум -- ведь Палата кож находится всего в десяти метрах от Парижской кольцевой дороги -- и, что хуже всего, -- холод, поскольку Палата находится на севере Парижа). Поэтому архитекторы изобрели этот гибрид: отверстие-стену, часто называемую дверью, которая, хотя и является достаточно распространенным механизмом, всегда поражала меня как чудо техники. Проявленная изобретательность в данном случае состоит в креплении дверных петель: вместо того, чтобы каждый раз пробивать стену при помощи кувалды или кирки, вы просто легко толкаете дверь (я предполагаю здесь, что замок еще не изобретен -- это усложнило бы и без того уже в высшей степени сложную историю двери La Villette); кроме того, и в этом-то и состоит весь фокус, после того как вы прошли в дверь, вам не надо искать мастеров и цемент, чтобы восстановить стену, которую вы только что пробили: вы просто опять легко толкаете дверь (я пока оставляю в стороне дополнительные сложности, которые возникают в связи с указаниями типа Ъна себя и Ъот себя).

Таким образом, чтобы оценить работу, которую проделывают дверные петли, вы просто должны представить себе, что всякий раз, когда вы хотите войти в здание или выйти из него, вам необходимо проделать ту же самую работу, что и заключенному, пытающемуся совершить побег или гангстеру, пытающемуся ограбить банк, а также работу тех, кто восстанавливает стены тюрьмы или банка (я никогда не слышал о заключенных или о гангстерах, восстанавливающих стены, сквозь которые им удалось пройти, хотя я слышал о гангстерах, которые, попав в тюрьму и обладая определенными навыками, проделывали отверстия в тюремных стенах). Если Вы не хотите представить себе людей, разрушающих стены и восстанавливающих их всякий раз, когда они

желают войти в здание или выйти из него, тогда представьте себе работу, которую необходимо проделать, чтобы удержать внутри или снаружи все вещи и всех людей, которые, будучи предоставлены самим себе, выбрали бы неправильный путь. Как никогда не говорил Максвелл, вообразите, что придуманный им демон работает без своей заслонки. Все что угодно могло бы покинуть Палату кож или, наоборот, проникнуть туда, и скоро возникло бы полное равновесие между наводящей тоску шумной окружающей средой и внутренним пространством здания. Некоторые технологи, †включая и автора настоящей работы, писали в учебнике ЪСопротивления материалові (1984) о том, что техника привлекается нами тогда, когда целью является достижение асимметрии или нереверсивности; могло бы показаться, что двери -- это яркий контрпример, поскольку они сохраняют отверстие-стену в состоянии реверсивности; максвелловский демон ясно показывает, однако, что это не так; реверсивная дверь -- это единственный способ удержать в стенах Палаты кож дифференциальную массу согревшихся в тепле историков, знаний, документов, а также, увы, всей канцелярской работы; дверь на петлях делает возможным селективный отбор входящих и выходящих, что позволяет добиться локального увеличения порядка или информации. Если вы впустите внутрь сквозняк (эти знаменитые Ъновые веянияі, столь опасные для французского здоровья), то рукописи могут так и не попасть на открытый воздух, к издателям.

Теперь сделайте две колонки (если мне не позволено отдавать распоряжения читателю, тогда рассматривайте это в качестве настоящего совета): в правой колонке перечислите работу, которую пришлось бы делать людям, если бы у них не было двери; в левую колонку впишите легкое толкание двери (к себе или от себя), которое они должны произвести, чтобы выполнить те же самые задачи. Сравните эти две колонки: огромное усилие в правой уравнивается небольшим усилием в левой, и все это благодаря дверным петлям. Я определяю это преобразование большего усилия в меньшее при помощи таких слов как перенесение, или трансляция, или делегирование, или перемещение; тогда я могу сказать, что мы делегировали (или транслировали или перенесли или переместили) дверным петлям работу по реверсивному решению дилеммы отверстия--стены. Заходя к Роберту Фоксу, я не должен ни выполнять эту работу, ни даже думать о ней; она была делегирована плотником некоему герою - - дверным петлям -- которого я назову нечеловеком (заметьте, что я не сказал Ънелюдй, как сделали бы многие сверхчувствительные люди). Я просто вхожу в Палату кож. Примем в качестве более общего дескриптивного правила следующее: всякий раз, когда вы захотите знать, какую работу совершает нечеловек, просто представьте себе, что бы пришлось делать другим людям или другим нечеловекам, если бы этот персонаж отсутствовал. Такая воображаемая субституция точно определяет роль или функцию этой маленькой фигуры.

Прежде, чем продолжить, позвольте мне извлечь дополнительную пользу из этой таблицы: действительно, мы привели чаши весов в такое равновесие, при котором крошечные усилия уравнивают огромную тяжесть; эти веса (по крайней мере те, которые вы представили, если подчинились моим распоряжениям, я хочу сказать, последовали моим советам) воспроизводят ту же самую идею рычага, которую мы находим в дверных петлях. То, что малое может стать сильнее большого, -- это история с большой моралью (вспомните о Давиде и Голиафе); а кроме того, по крайней мере, со времен Архимеда, -- это

еще и очень хорошее определение рычага и силы: какой минимум вам необходимо удержать и хитроумно использовать ради достижения максимального эффекта. Имею ли я в виду машины или правителя Сиракуз? Я не знаю, и это не имеет значения, поскольку правитель и Архимед объединили два Тминимакса в одну историю, рассказанную Плутархом: речь идет о защите Сиракуз при помощи рычагов и военных машин (см. у Плутарха, около 80 года н.э.). Я утверждаю, что это реверсирование сил есть то, на что социологи должны обратить внимание, чтобы осознать Тсоциальное конструирование техники, вместо изучения того гипотетического социального контекста, для понимания которого они не подготовлены (такого рода насмешливые замечания социологи ожидают услышать от технологов, и мне не захотелось вас разочаровывать). Высказав это маленькое соображение, позвольте мне продолжить эту историю (в дальнейшем мы поймем, почему я на самом деле не нуждаюсь в вашем разрешении продолжать и почему вы, тем не менее, вольны не продолжать, хотя и только относительно).

2. Делегирование людям С дверьми есть одна проблема. Посетители толкают их на себя, чтобы войти, или от себя, чтобы выйти (или наоборот), но потом дверь остается открытой. То есть, вместо двери вы имеете зияющее отверстие в стене, через которое, например, врывается холод или выходит тепло. Конечно, вы можете представить себе, что люди, живущие в этом здании или посещающие Центр истории науки и техники, хорошо дисциплинированы (в конце концов, историки -- аккуратные люди). Они научатся закрывать дверь за собой и преобразовывать мгновенно возникающее отверстие в хорошо загерметизированную стену. Проблема в том, что дисциплина не является отличительной особенностью людей, обитающих в La Villette; да и возможно, здание посетят простые социологи или даже педагоги из близлежащего Центра образования. Будут ли они все обладать такими же навыками? Закрывание дверей могло бы показаться достаточно простым ноу-хау после того, как были изобретены дверные петли, но, принимая во внимание количество усилий, различные нововведения, записки, требования друг к другу закрывать двери, которые бесконечно слышатся везде (по крайней мере в северных регионах), оно представляется весьма малораспространенным.

Именно здесь вам и предлагается старый мамфордский выбор: либо дисциплинировать людей, либо заменить ненадежных людей на другой делегированный человеческий персонаж, чьей единственной функцией будет открывать и закрывать дверь. Он называется швейцаром или портье (от французского слова Тporteі -- Тдверь) или привратником, или консьержем, или надсмотрщиком или надзирателем. Преимущество состоит в том, что теперь вы должны дисциплинировать только одного человека и со спокойной совестью можете позволить другим вести себя так, как им взбредет в голову. Независимо от того, кто они и откуда пришли, швейцар всегда позаботится о двери. Нечеловек (дверные петли) плюс человек (швейцар) разрешили дилемму отверстия--стены.

Разрешили? Не совсем. Прежде всего, если Палата кож будет платить швейцару,

у них не останется денег, чтобы покупать кофе или книги или приглашать выдающихся иностранцев читать лекции. Если они будут давать бедному мальчику другие поручения, помимо тех, которые выполняет швейцар (да, это отражает мое сексистское, шовинистическое, дискриминационное предубеждение против приема на работу девушек), тогда большую часть времени он будет отсутствовать и проклятая дверь будет оставаться открытой. Даже если бы у них были деньги, чтобы держать его там, мы сталкиваемся теперь с проблемой, которую так полностью и не разрешили двести лет капитализма: как надежно дисциплинировать молодого человека, чтобы он выполнял скучную и мало оплачиваемую работу? Хотя теперь надо дисциплинировать только одного человека вместо сотни (на практике только десятки, поскольку Палата кож очень неудобно расположена), здесь можно заметить слабое место этой стратегии: если один этот парень окажется ненадежным, тогда вся цепочка распадется; если он заснет на работе или пойдет прогуляться, то ничего хорошего в итоге не получится: чертова дверь будет оставаться открытой настежь (напомним, что запереть ее на замок не является решением проблемы, поскольку это превратило бы ее в стену, а снабдить каждого ключом -- трудная задача, и к тому же это не гарантировало бы того, что обладатели ключей стали бы запирают за собой дверь). Конечно, сорванца можно наказать или даже выпороть (вперед, не сомневайтесь, конечно же это отражает мое буржуазное позднекапиталистическое монополистическое предубеждение против рабочих). Но представьте себе заголовки в газетах: 'Социальные историки науки устраивают порку швейцару, бедному выходцу из рабочего класса'; а если он темнокожий, что вполне вероятно, учитывая низкую зарплату? Нет, дисциплинировать швейцара -- невзирая на то, что говорит Фуко, -- это сложная и дорогостоящая задача, которая по плечу только отелям 'Хилтон', и то по совершенно другим причинам, которые не имеют ничего общего с закрыванием двери.

Если мы сравним работу по дисциплинированию швейцара с работой, которую он замещает, в соответствии с перечнем, составленным выше, мы увидим, что этот делегированный персонаж имеет противоположный результат относительно того, к которому приводят дверные петли: простая задача -- заставить людей закрыть дверь -- теперь выполняется невероятной ценой; минимальный эффект достигается при максимуме затрат и взбучек. Если мы составим наши два списка, то заметим интересное различие: в первом типе отношений (петли versus работа многих людей) вы не только имели аннулирование усилий (рычаг позволяет перемещать большой вес посредством легких манипуляций) но также и изменение в распределении времени: как только петли устанавливаются, больше ничего не надо делать, кроме как поддерживать их в рабочем состоянии (время от времени смазывать их маслом). Во втором типе отношений (работа швейцара versus работа многих людей) вам не только не удастся упразднить усилия, но не удастся изменить и распределение времени: ничто не может воспрепятствовать тому, чтобы швейцар, на которого можно было положиться в течение двух месяцев, подвел нас на 62-ой день; в этом случае приходится выполнять работу не по поддержанию дверных петель в исправном состоянии, но ту же самую работу, что и в первый день, если не считать тех нескольких привычек, которые вам удалось внедрить в его тело. Хотя два эти способа делегирования кажутся схожими, первый сосредоточен на моменте установки двери, тогда как другой осуществляется непрерывно; точнее, первый создает четкие различия между

производством, установкой и обслуживанием, тогда как во втором -- различие между обучением и исполнением действия является либо неопределенным, либо нулевым. Первое требует прошедшего времени (Тогда петли были установлены); второе -- настоящего времени (Тогда швейцар на своем посту). В первом случае есть заданная инерция, которая в значительной мере отсутствует во втором. Первый -- ньютоновский, второй -- аристотелевский (что есть просто способ повторить, что первый является нечеловеческим, другой человеческим). Глубокий временной сдвиг имеет место тогда, когда прибегают к нечеловекам; время сворачивается (говорю это, чтобы показать вам, что, хотя я и простой технолог, я тоже могу иногда пофилософствовать).

3. Делегирование нечеловекам

Именно в этом пункте у вас появляется относительно новый выбор: либо дисциплинировать людей, либо заменить ненадежных людей на делегированного персонажа-нечеловека, чья единственная функция будет состоять в том, чтобы открывать и закрывать дверь. Он называется доводчиком двери или groomТом. (Groom -- это название французской торговой марки, вошедшее теперь в повседневный язык). Преимущество доводчика заключается в том, что теперь вам надо дисциплинировать только одного нечеловека и вы можете со спокойной совестью позволить всем остальным (включая коридорных) вести себя так, как им взбрет в голову. Независимо от того, кто они и откуда приходят, -- вежливы они или невоспитанны, торопливы или медлительны, друзья или недруги -- швейцар-нечеловек будет всегда заботиться о двери при любой погоде и в любое время дня. Один нечеловек (дверные петли) плюс другой нечеловек (доводчик) разрешили дилемму отверстия--стены.

Разрешили? Вообще-то, не совсем. Здесь возникает вопрос о сокращении кадров в связи с автоматизацией, вопрос, столь дорогой для социальных историков технологии: тысячи швейцаров-людей оказались на пособии по безработице по вине своих братьев-нечеловеков. Можем ли мы сказать, что они были замещены? Это зависит от вида действия, которое было им транслировано или делегировано. Другими словами, когда людей замещают и сокращают, нечеловеков приходится модернизировать и переквалифицировать. Это, как мы сейчас увидим, нелегкая задача.

Нам всем приходилось иметь дело с дверью, оснащенной мощным пружинным механизмом, которая захлопывается прямо перед нашим носом. Бесспорно, пружины делают работу, замещающую действия швейцаров, но они исполняют роль очень грубого, невоспитанного и бестолкового швейцара, который совершенно очевидно предпочитает вариант двери-стены варианту двери-отверстия. Они просто захлопывают дверь. Эти невежливые двери имеют одну интересную особенность: раз они захлопываются с такой силой, это означает, что вы, посетитель, должны проходить в нее очень быстро и при этом ни в коем случае не идти за кем-нибудь впритык, поскольку в противном случае вы

рискуете прищемить себе нос или расквасить его. Неквалифицированный доводчик-нечеловек таким образом предполагает квалифицированного пользователя-человека. Это всегда компромисс. Следуя Мадлен Акрич[2], я назову это поведение, которое в свою очередь навязывается человеку нечеловеком, предписанием делегатов. Предписание -- это моральное и этическое измерение механизмов. Несмотря на постоянные сетования моралистов, ни один человек не является столь неизменно моральным, как механическое устройство, особенно если оно (она, он, они) столь же Бдружелюбно по отношению к пользователю, как мой компьютер марки БМакинтош. Мы смогли делегировать нечеловекам не только усилие, но также и ценности, обязанности и этику. Именно благодаря этим моральным отношениям, мы, люди, ведем себя так этично, независимо от того, насколько слабыми и злыми сами себя ощущаем.

Каким образом можно эксплицировать эти предписания? Путем замены их рядами предложений (обычно в императиве), которые (безмолвно и постоянно) производятся механизмами для блага тех, кто их использует: сделайте то, сделайте это, поступайте так, не делайте того. Такие предложения очень похожи на язык программирования. Подобная замена молчания на слова может осуществляться в мысленных экспериментах аналитика, но она также встречается в брошюрах с инструкциями или явным образом на занятиях по инструктажу, где она осуществляется голосом демонстратора, инструктора или преподавателя. У военных особенно хорошо получается выкрикивать такие слова голосом инструкторов-люди, которые делегируют себе обратно задачу объяснить от имени винтовки, каким должен быть ее идеальный пользователь. Но какие бы многочисленные способы не изобретал аналитик, чтобы в словах и текстах восстановить явное предписание, главная особенность такого предписания состоит в том, чтобы оставаться безмолвным -- отсюда впечатление, возникающее у тех, кто озабочен *человеческим* поведением, что где-то недостает массы моральных отношений.

Результатом такого распределения компетенций между людьми и нечеловеками окажется то, что компетентные сотрудники из Палаты кож благополучно пройдут сквозь захлопывающуюся дверь на правильном расстоянии друг от друга, в то время как те посетители, которые не знают о местных культурных условиях, будут толпиться в дверях и расквасят себе носы. Эта история подобна известной истории об автобусах, набитых бедными чернокожими, которые не могли проехать под эстакадами, ведущими к Манхэттэнским паркам[3]. Нечеловеки принимают на себя селективные установки тех, кто их проектировал. Поэтому, чтобы избежать дискриминации, изобретатели возвращаются к чертежной доске и пытаются придумать такого персонажа-нечеловека, который не будет предписывать своим пользователям-людям такие исключительно локальные культурные навыки. Хорошим решением могла бы показаться слабая пружина. Но это не так, потому что она заместила бы собой такого малоквалифицированного и нерешительного швейцара, который никогда не уверен в статусе двери (или своем собственном статусе). Что такое дверь -- отверстие или стена? Я должен закрывать дверь или открывать ее? Если дверь то и другое одновременно, то вы можете забыть о тепле -- а ведь в конце концов, даже британцы нуждаются в тепле, чтобы писать хорошие статьи по истории науки. БIl faut qu'une porte soit ouverte ou fermée[4]. На компьютерном языке, дверь

-- это гейт типа ИЛИ, а не И.

Я -- большой фанат дверных петель, но должен признаться, что гораздо больше восхищаюсь гидравлическими доводчиками двери, особенно тем старым, тяжелым, покрытым медью доводчиком, который медленно закрывал главную дверь нашего дома в деревне Алос-Кортон. Я очарован тем, что к пружине добавлен гидравлический поршень, который легко вбирает энергию тех, кто открывает дверь, удерживает ее, и затем медленно возвращает ее с разными оттенками той непреклонной твердости, какую можно ожидать от хорошо обученного дворецкого. Особенно изобретательным является его способ извлечения энергии из всех и каждого, из любого случайного, ничего не подозревающего прохожего. Мои друзья-социологи в Школе мин называют такое ловкое извлечение энергии Ёбязательной точкой прохождения, что является очень подходящей характеристикой двери; независимо от того, что вы чувствуете, думаете или делаете, вы должны оставить в дверях в буквальном смысле частицу вашей энергии. Это так же хитро, как приспособление для сбора дорожной пыли.

Это, однако, не полностью разрешает все проблемы. Разумеется, гидравлический доводчик двери не бьет по носам тех, кто не знает местных условий, так что его предписания могут считаться менее ограничивающими, но он все же остается преградой для некоторых групп населения: ни мои маленькие племянники, ни моя бабушка не могли войти в эту дверь без посторонней помощи, потому что наш доводчик нуждался в силе физически здорового человека, которая бы позволила ему (доводчику) накопить достаточное количество энергии, чтобы потом закрыть дверь. Если использовать классическое мотто Лэнгдона Виннера[5]: своими предписаниями эти двери дискриминируют очень маленьких и очень старых людей. Кроме того, раз нет никакой возможности держать их открытыми постоянно, они подвергают дискриминации перевозчиков мебели и вообще каждого, кто нагружен пакетами, что в нашем позднекапиталистическом обществе как правило означает наемных работников из рабочего или нижнего среднего класса (да и кто из представителей даже более высоких страт не был хоть раз задержан автоматизированным швейцаром, когда его руки были заняты пакетами?).

Правда, решения есть: делегирование доводчику может быть аннулировано (обычно это достигается его блокировкой) или более прозаическим образом: действию, которое делегировано доводчику, может быть противопоставлена нога (говорят, что коммивояжеры большие специалисты по этой части). Действие ноги, в свою очередь, может быть делегировано ковру или чему-нибудь, чем можно придержать доводчик (хотя я всегда поражаюсь количеству предметов, которые не выдерживают этого силового испытания, и очень часто видел, как дверь, которую я только что с помощью какого-нибудь предмета зафиксировал в открытом состоянии, вежливо закрывалась, стоило мне только отвернуться от нее).

4. Антропоморфизм

Как технолог, я мог бы утверждать, что, если не считать работы по

установлению доводчика двери и поддержанию его в рабочем состоянии и согласиться не принимать во внимание те немногочисленные группы населения, которые оказываются дискриминированы, гидравлический доводчик хорошо выполняет свою работу, постоянно, твердо и медленно закрывая за вами дверь. Своим скромным способом он показывает нам, как три вида делегированных актантов-нечеловеков (петли, пружины и гидравлические поршни) 90 % времени замещают либо недисциплинированного порттье, которого никогда не бывает на месте, когда он нужен, либо программы-инструкции для широкой публики, предназначенные, чтобы напоминать-закрывать-дверь-потому-что-холодно.

Петли плюс доводчик -- это мечта технолога об эффективном действии, по крайней мере так было до того печального дня, когда я увидел объявление, прикрепленное к дверям Ла Виллетт, с которого я начал свое рассуждение: ЪДоводчик бастуеті. Значит, мы не только смогли делегировать акт закрывания двери от человека нечеловеку, мы также оказались способны делегировать ему недисциплинированность нашего маленького сорванца (и, возможно, соответствующий профсоюз). Бастует... Только представьте себе это! Нечеловеки, прекращающие работу и требующие -- чего? Выплат пособий? Свободного времени? Офисов с хорошим видом? Однако здесь бесполезно чем-то возмущаться, потому что нечеловеки, несомненно, не являются настолько надежными, чтобы нереверсивность, которой нам хотелось бы их наделить, была абсолютной. Нам не хотелось еще когда-нибудь вспоминать об этой двери, если не считать регулярного проведения технического обслуживания (это просто иной способ сказать, что нам нет нужды о ней беспокоиться) -- и вот, пожалуйста, мы вновь озабочены тем, как добиться, чтобы дверь все время была закрыта, а сквозняк оставался снаружи.

Что интересно в этом объявлении, так это юмор, приписывающий человеческий характер поломке, которая обычно рассматривается как Ъчисто техническаяі. Этот юмор, однако, более глубок, чем объявление синонимичного характера, которое можно было бы поместить на дверях: ЪДоводчик не работаеті. Я постоянно говорю с моим компьютером, который дерзит мне; я уверен, что вы клянете свою старую машину; мы постоянно наделяем таинственными способностями гремлинов, живущих внутри всех мыслимых домашних приборов, не говоря уже о трещинах в бетонном покрытии вокруг наших атомных электростанций. Однако, моралистами -- я подразумеваю здесь социологов -- это поведение признается скандальным нарушением естественных барьеров. Когда вы пишете, что доводчик Ъбастуеті, это, как они считают, представляет собой Ъпроекциюі человеческого поведения на холодный технический нечеловеческий объект, который по своей природе не способен испытывать никаких чувств. Это антропоморфизм, что для них является грехом, подобным зоофилии, но только еще хуже.

Подобное морализирование чрезвычайно раздражает технологов, потому что автоматический доводчик уже насквозь антропоморфичен. Хорошо известно, что французы -- большие любители этимологии; что ж, вот вам еще один экскурс в эту область: $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\varsigma$ и $\mu\acute{o}\rho\phi\omicron\varsigma$ вместе означают либо то, что имеет человеческую форму, либо то, что придает форму людям. Доводчик и в самом деле антропоморфен, причем сразу в трех смыслах: во-первых, он сделан людьми,

является конструкцией; во-вторых, он замещает действие людей и является тем делегатом, который постоянно занимает позицию человека; и в-третьих, он формирует человеческое действие, предписывая, какие именно люди должны проходить в дверь. И после этого кто-то еще будет запрещать нам приписывать чувства этому полностью антропоморфному созданию? Делегировать трудовые отношения, Ъпроецировать -- то есть переводить, транслировать -- другие человеческие свойства доводчику? А что со множеством других нововведений, которые наделили гораздо более утонченные двери способностью видеть ваш приход (электронные глаза), или спрашивать, кто вы (электронный пропуск), или захлопываться в случае опасности? Но как бы то ни было, кто такие вы, социологи, чтобы раз и навсегда решить, какова реальная и конечная форма (μορφος) людей (άνθρωπος)? Чтобы с уверенностью провести границу между тем, что является Ъреальным делегированием, а что -- Ъпростой проекцией? Чтобы, не прибегая к соответствующему исследованию, раз и навсегда разобраться в трех различных видах антропоморфизма, которые я перечислил выше? Разве мы не сформированы доводчиками-нечеловеками, хотя, соглашусь, лишь в совсем незначительной степени? Разве они не наши братья? Разве они не заслуживают внимания? Вы с вашими корыстными и самодовольными социальными исследованиями технологии вечно жалуетесь на механизмы и увольнение рабочих, вызванное автоматизацией производства -- но осознаете ли вы ваши дискриминационные предубеждения? Вы отделяете людей от нечеловеков. Я не придерживаюсь этого предубеждения (хоть этого) и вижу только актеров -- людей, нечеловеков, квалифицированных, малоквалифицированных -- которые обмениваются своими свойствами. (Но я увлекаюсь, что обычно происходит тогда, когда мы, технологи, дискутируем с нашими друзьями и тем не менее коллегами -- социологами). Таким образом, объявление, помещенное на двери, попадает в точку, оно с юмором точно описывает поведение доводчика: он не работает, он бастует (заметьте, что слово Ъбастовать -- это также антропоморфизм, перенесенный из нечеловеческого репертуара в человеческий, что еще раз доказывает, что само это разделение несостоятельно).

†5. Встроенные авторы и пользователи

Споры вокруг антропоморфизма возникают потому, что мы верим, что реально существуют Ълюди и Ънечеловек, не осознавая, что это приписывание ролей и действия также являются результатом определенного выбора. Лучший способ осознать этот выбор -- сопоставить устройства с текстами, поскольку вписанность создателей и пользователей в устройство является совершенно такой же, как вписанность авторов и читателей в повествование. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, я должен теперь признаться, к моему стыду и вашему разочарованию, что я совсем не технолог. Я встроил в статью созданного мною автора, а также изобрел своих возможных читателей, чьи реакции и убеждения я предусмотрел. С самого начала я много раз использовал обращение Ъвы и даже Ъвы, социологий. Если вы помните, я даже велел вам построить таблицу (или посоветовал это сделать). Я также попросил вашего разрешения продолжать это повествование. Делая это, я создал вписанного читателя, которому я с такой же несомненностью предписал определенные свойства и поведение, с какой светофор или картина подготавливают определенную позицию для тех, кто на них смотрит. Подписались ли вы под этим определением вас самих? Или, если сформулировать это еще радикальнее, есть

ли вообще кто-нибудь, кто мог бы читать этот текст и занять ту позицию, которая приготовлена для его читателя? Этот вопрос является источником постоянных трудностей для тех, кто не знает основ семиотики. Ничто в данной сцене не может помешать вписанному пользователю или читателю вести себя иначе, чем это ожидалось (то есть ничто вплоть до следующего абзаца). Читатель из плоти и крови может полностью игнорировать мое определение его или ее. Тот, кто пользуется светофором, вполне может перейти дорогу на красный свет. И даже посетители Палаты кож, несмотря на то, что их поведение и траектория самым полным образом предвосхищаются доводчиком, могут просто никогда не добраться до него, поскольку найти это место слишком трудно. Что касается ввода информации в компьютер, то курсор может бесконечно мигать, несмотря на то, что пользователь отсутствует или не знает, что ему делать. Между пользователем, который задается предписанием, и пользователем из плоти и крови может быть огромный зазор, различие столь же большое, как между Бяі повествователя в романе и его автором. Именно это различие так сильно расстраивает авторов анонимного обращения, о котором я сейчас говорил. В других случаях, однако, зазор может быть нулевым: предписанный пользователь до такой степени предугадан, так тщательно вмонтирован внутри сцены, так точно согласован с нею, что делает то, что от него ожидается.

Проблема, связанная со сценами, состоит в том, что они обычно хорошо подготовлены для того, чтобы предвосхищать поведение только тех пользователей или читателей, которые находятся поблизости. Например, доводчик успешно предусматривает то, что люди будут толкать дверь, открывая ее, и сообщать ей энергию, способную вернуть ее в обратное положение. Но он совершенно неспособен помочь людям добраться до двери. Уже на расстоянии пятидесяти сантиметров он бесполезен и, например, никак не воздействует на те планы, которые развешаны по всей LaVilletteи объясняют, где находится Палата кож. Однако никакая сцена не может быть подготовленной без заложенного в нее представления о том, какого рода актеры будут занимать предписанные позиции. Вот почему я выше сказал, что, хотя вы вольны не читать дальше эту статью, это лишь Ботносительной так. Почему? Потому что я знаю, что, поскольку вы купили эту книгу, вы трудолюбивые, серьезные, англоговорящие технологи или читатели, желающие понять новые направления в социальных исследованиях машин. Поэтому я могу преспокойно побиться об заклад, что у меня хорошие шансы, что вы прочитаете эту статью до конца! Поэтому мое предписание Бчитайте эту статью, вы, социологи -- не такое уж рискованное (но я бы не стал рисковать, если бы имел дело с французской аудиторией). Такой способ полагаться на более раннее распределение навыков, уменьшающее разрыв между встроенными пользователями или читателями и пользователями и читателями из плоти и крови, аналогичен предварительному вписыванию.

Подводя по ходу дела некоторые итоги, мы можем назвать социологизмом утверждение, что при наличии компетенции и предписывания человеческих пользователей и авторов, вы можете вычитать тот сценарий, в соответствии с которым будут действовать актеры-нечеловеки; а технологизмом -- симметричное утверждение, что при наличии компетенции и предварительного вписывания в актеров-нечеловеков вы можете запросто вычитать и вывести то поведение, которое предписывается авторам и пользователям. Надеюсь, что с этого момента две эти нелепые точки зрения исчезнут со сцены, поскольку

актеры в любом отношении могут быть как людьми, так и нечеловеками и поскольку перемещение (или трансляция, или транскрипция) делает невозможным легкое вычитывание одного репертуара из другого. Странная идея, что общество может быть составлено из человеческих отношений, представляет собой отражение другой, не менее странной идеи, что техника может быть составлена из нечеловеческих отношений. Мы имеем дело с персонажами, делегатами, представителями, заместителями (Блейтенантами, от французского *Blieutenanti*, то есть Бдержатель места кого-либо другого), некоторые из которых фигуративны, а другие -- нефигуративны, некоторые -- нечеловеческие, другие -- человеческие, некоторые -- некомпетентные, другие -- компетентные. Вы хотите пробиться через это многообразие делегатов и создать два искусственных нагромождения, одно из которых -- Бобществои отбросов, а другое -- Бтехнологияи? Это -- ваше право, но я перед собой ставлю менее устрашающие задачи.

Сцена, текст, автоматизм -- все это может оказать большое воздействие на предписанных пользователей, если они находятся на близком расстоянии, но то воздействие, которое в конечном итоге им приписывается, в большей мере зависит от целого ряда других последовательно выстроенных ситуаций. Например, доводчик закрывает дверь только в том случае, если есть люди, которые добрались до Центра истории наук; эти люди оказываются перед дверью, только если они нашли план квартала (еще один делегат, снабженный встроенным предписанием, которое мне особенно нравится: Бвы находитесь здесьи, обведенное на плане красным кружком) и только если есть дороги, ведущие от парижской кольцевой дороги к Палате (условие, которое не всегда выполняется); и конечно, люди станут беспокоиться о том, чтобы читать планы, шлепать по грязи и толкать дверь, чтобы открыть ее, только в том случае, если убеждены, что группа, которая там работает, заслуживает посещения (это едва ли не единственное условие в *La Villette*, которое выполняется). Этот градиент последовательно выстроенных ситуаций, которые наделяют акторов предварительно писанной компетенцией, позволяющей находить себе пользователей, очень похож на Бкреоди Ваддингтона[6]: поток людей легко проходит сквозь дверь Палаты кож и доводчик сто раз в день закрывает дверь, если только его не заело. Результатом такого последовательного выстраивания ситуаций является уменьшение количества случаев, в которых используются слова; большинство действий происходят безмолвно, они привычны, инкорпорированы (в человеческие или нечеловеческие тела), что значительно затрудняет работу аналитика. Даже классические споры о свободе, детерминированности и предопределенности, грубой силе или действенной воле, ведущиеся в XX веке и являющиеся продолжением споров XVII столетия о божественном проведении, -- постепенно улягутся. (Поскольку вы дочитали до этого места, это означает, что я был прав, когда говорил, что вы не вполне вольны перестать читать эту статью: ловко занимая позицию на креде и используя несколько собственных уловок, я привел вас сюда ... или нет? Может быть, вы перескочили через большую часть этой статьи или не поняли ни одного слова, о, вы, недисциплинированные читатели.)

6. Фигуративные и нефигуративные персонажи

Большинство социологов ужасно переживают из-за нарушения священного барьера, отделяющего человека от нечеловеков, поскольку смешивают данное деление с другим, с тем, которое существует между фигуративными и нефигуративными акторами. Если я говорю, что Гамлет -- это образное представление Депрессии внутри аристократического класса, я перехожу от фигуры отдельной личности к менее индивидуальной фигуре -- классу. Если я говорю, что Гамлет воплощает собой идею Рока, я прибегаю к менее фигуративным сущностям, и если я утверждаю, что он репрезентирует Западную цивилизацию, то я использую нефигуративные абстракции. Тем не менее все они равным образом являются актантами, то есть объектами, которые совершают свои действия либо в хитроумных пьесах Шекспира, либо в более скучных изысканиях комментаторов. Решение о том, наделять актантов фигуративностью или нет, полностью предоставлено авторам. То же самое можно сказать и в отношении техники. Инженеры являются авторами этих изощренных сюжетов и сценариев, в соответствии с которыми действуют множество делегированных, связанных друг с другом персонажей и оценить которые могут лишь немногие. Характеристика техники при помощи закрепившегося за ней атрибута Не-человеческая просто-напросто игнорирует механизмы трансляции и тот выбор, который может быть сделан между фигурацией или дефигурацией, персонифицированием или абстрагированием, воплощением или развоплощением акторов.

Например, фигура, которая находится на изображении напротив вертела для жарки мяса в музее Hôtel-Dieu в городе Боне, -- маленький мальчик под названием Мальш Бертрані -- является делегированным автором того вращательного движения, которое он осуществляет.

Этот маленький человечек так же хорошо известен в Боне, как Писающий мальчик в Брюсселе. Конечно, не он совершает это движение -- скрытый тяжелый маховик использует силу, возникающую тогда, когда демонстратор или повар поворачивают тяжелую ручку, которая наматывает ремень на оборудованный храповиком барабан. Очевидно, Мальш Бертрані полагает, что он единственный, кто производит эту работу, потому что он не только улыбается, но также с очевидной гордостью покачивает головой из стороны в сторону, вращая свою маленькую рукоятку. Когда мы были детьми, то несмотря на то, что видели, как наш отец запускает механизм и снимает большую рукоятку, которой приводит его в движение, нам доставляло удовольствие думать, что вертел вращает именно этот паренек, а не то, что его приводит в движение что-то еще. Ирония заключается здесь в том, что хотя делегирование действия механизмам нацелено на то, чтобы сделать ненужным человека, вращающего вертел, сам механизм украшен постоянно эксплуатируемым персонажем, Работающим весь день напролет.

Хотя эта история с человечком, вращающим вертел, представляет собой случай, противоположный примеру с доводчиком двери, если говорить о фигурации

(доводчик на двери вовсе не напоминает швейцара, но в действительности делает ту же самую работу, тогда как Ъмальш Бертрані выглядит как самый настоящий поваренок, но на самом деле совершенно пассивен), то оба эти устройства представляют собой все же два сходных случая, если говорить о делегировании (вам больше не нужно закрывать дверь, и повар больше не должен вращать вертел). Автор произведения (enunciator) -- словосочетание, обозначающее здесь как автора текста, так и механиков, которые изобрели вертел ≠-- волен поместить, а волен и не помещать репрезентацию себя самого или себя самой в сценарий (идет ли речь о текстах или механизмах). ЪМальш Бертрані -- это делегированная версия того, кто отвечает за механизм. Это та же самая операция, которую я совершал, делая вид, что автор этой статьи является матерым технологом (тогда как на самом деле я простой социолог, что является второй локализацией текста, столь же неверной как и первая, поскольку в действительности я простой философ...). Если я говорю Ъмы, технології, я с той же очевидностью предлагаю определенное изображение автора текста, как если бы мы утвердили Ъмальша Бертрані в качестве автора всей сцены. Но для меня и для механиков было бы возможным и не помещать никакого фигуративного персонажа в качестве автора в сценарии наших сценариев (если использовать жаргон семиотики, то можно сказать, что здесь отсутствует нарратор). Мне надо было только вместо того, чтобы писать от первого лица (ЪЯі), сказать что-то вроде Ънедавние исследования в социологии науки показали, что...і, а механики должны были бы просто напросто убрать Ъмальша Бертрані и оставить работать только лишь прекрасные коленчатые валы, зубцы, храповики и колеса.

Различия между людьми и нечеловеками, воплощенными и развоплощенными навыками, персонификацией и Ъмеханизацией являются менее интересными, чем вся цепочка, по которой распределяются компетенции и действия. Например, на днях, я притормозил на автостраде, потому что увидел парня в желтом костюме и красном шлеме, который махал красным флажком. Движения парня были такими размеренными, место, где он находился было таким опасным, а улыбающееся лицо таким бледным, что, проезжая мимо, я понял, что это -- механическое устройство (как сказал бы когнитивист, он не прошел тест Тьюринга). Делегированы были не только красный флажок и не только рука, размахивающая флажком, но и самому механизму был также придан телесный облик. Мы, дорожные инженеры (видите? я могу сделать это еще раз и создать еще одного автора) могли бы продвинуться гораздо дальше по пути фигурации, хотя это и обошлось бы недешево: мы могли бы наделить его/ее (осторожно! никакой сексуальной дискриминации роботов) электронными глазами, чтобы махать флажком только тогда, когда приближается автомобиль и отрегулировать эти движения так, чтобы они становились быстрее, если автомобиль не подчиняется, и мы также могли бы добавить к этому -- почему бы нет? -- разъяренный взгляд и узнаваемое лицо, напоминающие госпожу Тэтчер или президента Миттерана -- что, конечно, является очень эффективным средством заставить водителей сбросить скорость. Но мы также могли бы пойти и по другому пути, по пути менее фигуративного делегирования: флажок и сам по себе мог бы выполнять эту работу. Да и зачем этот флажок? Почему, например, не поставить знак Ъведутся дорожные работы? И зачем вообще этот знак? Водители, если они осмотрительны, дисциплинированы и осторожны, сами увидят, что ведутся работы и сбавят скорость. В зависимости от того, где мы

находимся на этой цепочке делегирования, мы получаем, либо классических морально ответственных существ, наделенных чувством собственного достоинства, способных говорить и подчиняться законам, либо исполнительные и эффективные устройства и механизмы; а где-то посередине между двумя этими крайностями мы получаем обычную власть знаков и символов. Именно вся цепь целиком составляет недостающую массу, а не какое-либо из ее крайних звеньев.

†7. От нечеловеков к сверхчеловекам

Здесь мы приходим к самому интересному и самому печальному уроку, который можем извлечь из объявления, помещенного на двери в LaVillette: люди неосмотрительны, недисциплинированы и неосторожны, и особенно французские водители, которые дождливым воскресным утром выжимают на автостраде 180 километров в час, при том что ограничение скорости -- 130 километров в час (я специально отмечаю установленный правилами предел в этой статье, потому что это единственное место, где вы можете увидеть его напечатанным черным по белому; похоже, что больше до этого никому нет дела, кроме родственников тех, кто погиб на дорогах). В этом и состоит суть нашего объявления: ЪДоводчик бастует, ради Бога, закрывайте двери! В наших обществах существуют две системы, к которым можно апеллировать: нечеловеческая и сверхчеловеческая, то есть механизмы и боги. Это объявление показывает, до какой степени отчаялись его озябшие анонимные авторы (мне так и не удалось выяснить, кто они, и почтить их так, как они того заслуживают). Сначала они полагались на моральные принципы и здравый смысл, присущий людям; однако из этого ничего не вышло, дверь всегда оставалась открытой. Тогда они обратились к тому, что мы, технологи, считаем самой высшей инстанцией, к какой только можно апеллировать, то есть к нечеловеку, который бесперебойно и эффективно делает работу вместо ненадежных людей; к нашему стыду, мы должны признать, что через некоторое время и он не оправдал ожиданий, дверь опять распахнута настежь. Насколько последовательно двигается мысль авторов этого объявления! Они вернулись к самому древнему и непреклонному апелляционному суду, который только был, есть и будет. Если человек и нечеловек подвели, то Бог, конечно, никогда не обманет их надежд. Мне стыдно говорить это, но, когда я тем роковым февральским днем проходил через холл, дверь была открыта... Но не вините в этом Бога, ведь объявление не обращалось непосредственно к Нему (я знаю, что я должен был добавить Ък Нейї в интересах установления равноправия, но не уверен, как отреагировали бы на это теологи); Бог не доступен без посредников, анонимные авторы хорошо знали свой катехизис, поэтому вместо того, чтобы просить о непосредственном чуде (чтобы Бог Сам/Сама держал дверь плотно закрытой или сделал это при посредничестве Ангела, как то происходило в нескольких случаях, например когда апостол Павел был освобожден из тюрьмы) они взывают к почитанию Бога в человеческих сердцах. В этом и состояла их ошибка. В наши секулярные времена этого уже недостаточно.

Похоже, в наши дни ничто уже не срабатывает, когда речь идет о дисциплинировании мужчин и женщин, и ничто не способно заставить их просто-напросто закрывать двери в холодную погоду. Точно такое же отчаяние

подвигло дорожного инженера прибавить к красному флажку этого Голема, в надежде заставить водителей быть осторожнее, хотя единственным способом заставить французских водителей уменьшить скорость по-прежнему остается старая добрая дорожная пробка. Как видно, требуется все больше и больше этих выстроенных в ряд фигуративных делегатов. В этом делегаты подобны наркотикам; начинаешь с легких, а заканчиваешь тем, что сидишь на игле. Делегированные персонажи тоже подвергаются инфляции. Спустя некоторое время их действие ослабевает. В давние времена, возможно, людям было достаточно только лишь иметь дверь, чтобы уметь ее закрывать. Но потом эти навыки, усвоенные на телесном уровне, каким-то образом исчезли; пришлось напоминать людям о том, что они должны этому учиться. В те старые добрые времена, возможно, хватало простой надписи *Закрывают двери*. Но вы же знаете людей, они больше не обращают внимание на объявления и нуждаются в напоминаниях при помощи более сильных устройств. И тогда вы устанавливаете автоматические доводчики, поскольку электрошок применяется к людям не столь широко, как к коровам -- прискорбное ограничение, от которого, быть может, скоро откажутся, особенно в Палате кож, которая, прежде чем приютить историков науки, предназначалась для обработки коровьих шкур. В прежние времена, когда все вещи делали хорошего качества, возможно, было достаточно только время от времени смазывать дверные устройства, но в наши дни даже механизмы бастуют.

Это, однако, не значит, что, как правило, все движется от более слабых устройств к более сильным, то есть от автономного корпуса знания к принуждению при посредничестве сформулированных предписаний, как заставляет думать дверь в *La Villette*. Это происходит также и другим путем. Бесспорно, что в Париже ни один водитель не будет соблюдать ограничения, устанавливаемые дорожным знаком (например, белой или желтой линией, запрещающей стоянку) или даже пешеходной дорожкой (то есть желтой линией плюс краем дороги шириной пятнадцать сантиметров); поэтому, вместо того, чтобы внедрять в сознание парижан внутрисоматический навык, власти предпочитают установить дополнительно и третьего делегата (тяжелые каменные глыбы в форме усеченных пирамид, размещенные таким образом, чтобы автомобили не смогли протиснуться между ними); но если исходить из достигнутых результатов, то вероятно, только сплошная Великая стена высотой в два полных метра могла бы решить поставленную задачу, но и это, скорее всего, не сделало бы пешеходную дорожку безопасной, если учесть, насколько малоэффективной оказалась Великая Китайская стена (прошу прощения, что так много говорю об автомобилях, но я рад предложить вам этот новый случай социального детерминизма; я живу в Париже и по сто раз в день проклиная автомобили, припаркованные на пешеходных дорожках). Таким образом идея сокращения кадров в связи с автоматизацией может показаться общим правилом; всегда следует идти от внутрисоматических навыков к внесоматическим; следует всегда полагаться скорее на надежных делегированных нечеловеков, чем на недисциплинированных людей. Но это далеко не так, даже для парижских водителей. Например, красный свет светофора обычно заставляет их остановиться, по крайней мере тогда, когда светофор устроен достаточно сложно, чтобы объединять транспортные потоки при помощи датчиков; делегированные полицейские, днем и ночью стоящие на своем посту, добиваются подчинения себе, даже несмотря на то, что у них для этого нет ни свистков, ни

белых перчаток, ни тел. Достаточно воображаемой возможности столкновения с другими автомобилями или отсутствующими полицейскими, чтобы держать водителей под контролем. Мысленный эксперимент Что случилось бы, если бы делегированного персонажа здесь не было совершенно аналогичен тому, который я рекомендовал выше для определения функции такого персонажа. Точно такое же воплощение письменного предписания в телесный навык имеет место в случае с руководствами по эксплуатации автомобиля. Никто, я полагаю, теперь не заглядывает в такое руководство (разве только мельком), прежде чем завести двигатель незнакомой машины. Существует большое количество навыков, которые до такой степени были усвоены или инкорпорированы нами, что медиация письменных инструкций является совершенно ненужной. Из внешнесоматических они стали внутрисоматическими. Инкорпорирование в человеческие тела или Экскорпорирование в нечеловеков -- это еще один выбор из числа тех, которые остаются на усмотрение проектировщиков.

8. Тексты и механизмы

Даже если теперь стало очевидно, что недостающие массы нашего общества надо искать среди нечеловеческих механизмов, то неясно, как они попали туда и почему они были сброшены со счетов. Именно здесь аналогия между текстами и артефактами, которую я использовал до сих пор, начинает вводить нас в заблуждение. Существует кардинальное различие между повествованиями и механизмами, которое объясняет, почему механизмы с таким трудом находят себе место в нашем повседневном языке. Когда рассказывается история, перемещением называется любое перенесение персонажа либо в другое место, либо в другое время, либо к другому персонажу. Если я говорю вам, что Пастер вошел в аудиторию университета Сорбонны, я беру настоящую ситуацию -- вас и меня -- и переношу ее в другое пространство (центр Парижа), другое время (середина XIX века) и к другим персонажам (Пастер и его аудитория). ЯИ, автор произведения, может решить появиться, исчезнуть или репрезентировать себя при помощи нарратора, рассказывающего эту историю (В тот день я сидел в аудитории в верхнем ряду); ЯИ может также решить поместить вас и любого читателя внутрь своей истории (Если бы вы были там, вас бы убедили эксперименты Пастера). Количество перемещений, из которых может состоять история, безгранично. Например, ЯИ вполне может инсценировать внутри аудитории диалог между двумя персонажами, которые рассказывают историю о том, что произошло в Академии наук между, скажем, Пуше и Милн-Эдвардсом. В этом случае аудитория -- это место, из которого нарраторы перемещаются, чтобы рассказать историю об Академии, и они могут переместиться назад, чтобы продолжить первую историю о Пастере, или не перемещаться. ЯИ может также перемещаться по всем сериям вложенных друг в друга историй, чтобы закончить свою собственную историю и вернуться к ситуации, с которой я начал, -- с вас и меня[7]. Все эти перемещения хорошо известны на кафедрах литературы, и именно в них и состоит мастерство талантливых писателей.

† Независимо от того, насколько умны и искусны наши романисты, они не чета инженерам. Инженеры постоянно переносят своих персонажей в другое место и другое время, изобретают позиции для пользователей-людей и пользователей-

нечеловеков, демонтируют компетенции, перераспределяя их затем между многими различными актантами, создают сложные нарративные программы и подпрограммы, о которых выносятся суждения и оценки. К сожалению, литературных критиков гораздо больше, чем технологов, и изощренные достоинства техно-социальных ситуаций ускользают от внимания образованной публики. Одна из причин такого отсутствия интереса может заключаться в особом характере перемещения, порождающего механизмы и устройства. Вместо того, чтобы позволить читателю истории одновременно находиться в другом месте (в рамках референции истории) и здесь (в своем кресле), техническое перемещение вынуждает его выбирать между направлениями референции. Вместо того, чтобы допустить для авторов произведения и его адресатов что-то вроде соприсутствия и сопричастности с другими актерам, техника позволяет тем и другим игнорировать делегированных актеров и проходить мимо, даже не чувствуя их присутствия.

Чтобы понять разницу, существующую между двумя направлениями перемещения, позвольте нам рискнуть еще раз отправиться на французскую автостраду; в энный раз я крикнул Робинсону Тэне сиди посередине заднего сиденья -- если я заторможу слишком резко, ты покойник. В автомагазине, расположенном дальше по автостраде, я натолкнусь на устройство, сделанное для усталых-и-злых-родителей-детей-от-двух-до-пяти-лет (слишком взрослых для детского сиденья и недостаточно взрослых для ремня безопасности), у которых-маленькая-семья (то есть такая, где нет кого-то еще, кто бы держал ребенка ради его безопасности), имеющих-машины-с-двумя-отдельными-передними-сиденьями-и-подголовниками. Это небольшой рынок, но он хорошо проанализирован немецкими ребятами, выпускающими подобные приспособления, и, если учитывать цену, он является, конечно, очень прибыльным. Это описание меня самого и той маленькой категории, к которой я счастлив оказаться приписанным, запечатлено в самом устройстве -- стальном держателе с прочными креплениями, которые присоединяются к подголовникам, -- и в рекламе на внешней стороне коробки; оно также пред-вписано в то единственное, пожалуй, место, где я мог бы понять, что нуждаюсь в этом устройстве, -- в автостраду. (Если быть честным и воздать должное тому, что того заслуживает, я должен сказать, что у Антуана Эньона есть подобное приспособление в его машине и что я видел его за день до этого, так что на самом деле я искал его в магазине, а не Тэнатолкнулсѣя на него, как я неверно сказал; это означает: а) что есть доля правды в исследованиях, посвященных распространению через подражание; б) что, если я буду описывать этот эпизод так же подробно, как и дверь, я никогда не смогу рассказать о работе, проделанной историками технологии в Ла Виллетт.) Чтобы закончить эту и без того слишком затянувшуюся историю, я сразу скажу, что больше не кричу на Робинсона и уже не пытаюсь глупо останавливать его моей вытянутой правой рукой: он крепко держится за брусок, который защитит его в том случае, если я заторможу.

Я делегировал постоянное предписание, осуществляемое моим голосом и протягиванием моей правой руки (с уменьшением полезного результата, как мы знаем из закона Фешнера), закрепленному, обитому тканью стальному держателю; конечно, я должен был совершить два обходных маневра: во-первых, взять бумажник, а во-вторых, достать ящик с инструментами; спустя 200

†франков и пять минут я установил устройство (разобравшись в инструкциях, написанных японскими иероглифами).

Маневр плюс перевод слов и вытянутой руки в стальной держатель бесспорно являются перемещением, но иного типа, нежели при рассказывании истории. Стальной держатель теперь завладел моей компетенцией в области удержания моего сына на расстоянии вытянутой руки. Если в наших обществах существуют тысячи таких помощников, которым мы делегировали компетенции, это означает, что наши социальные отношения определяются, главным образом, тем, что безмолвно предписывается нам нечеловеками. Знание, мораль, профессиональное мастерство, принуждение, общительность являются качеством не людей, но людей, сопровождаемых целой свитой делегированных персонажей. Поскольку каждый из этих делегатов формирует связность какой-то части нашего социального мира, это означает, что изучение социальных отношений невозможно, если не принимать во внимание нечеловеков[8]. Одна из задач социологии состоит в том, чтобы сделать для масс нечеловеков, составляющих наши современные общества, то, что она с таким успехом сделала для масс обычных, никого не интересующих людей, которые составляют наше общество. Чтобы найти недостающие массы, к обычным людям надо добавить теперь живой, очаровательный, благородный... обычный механизм.

О трудах Роберта Фокса и миссионерской работе его группы можно много всего рассказать, но так много нечеловеков требуют себе места в нашей модели общества, что я увлекся, описывая всего лишь дверь холла, ведущего в ее офис, и у меня не осталось места, чтобы рассказать о ее работе...

Перевод с английского Натальи Мовниной

[1] LaVillette -- район на окраине Париже, куда в 1867 году были переведены все бойни города. В 1980-е годы на этом месте был создан Национальный музей наук, технологий и промышленности, принявший форму большого Научного парка†. При этом построенные ранее здания сохранили свои старые названия. (Примеч. ред.)

[2] Akrich M. The De-Description of Technical Objects // Wiebe Bijker and John Law (eds.). Shaping Technology / Building Society. Studies in Sociotechnical Change. Cambridge/Mass.: MIT Press. 1992. P. 205--224.

[3] Winner L. Do Artefacts have Politics? // Daedalus. 1980. е 109. P. 121--136.

[4] † Надо принять то или иное решение† -- дословно: Надо, чтобы дверь была или открыта, или закрыта† (Примеч перев.)

[5] *Winner L.* Op. cit.

[6] Теоретик биологии Конрад Ваддингтон ввел этот неологизм, означающий *необходимый* путь, чтобы обратить внимание на некоторые закономерности, структурирующие процессы эволюции (например, существуют двуногие, четвероногие существа и т.д., но существ с некоторыми другими количествами ног не бывает). (*Примеч. ред.*)

[7] *Latour B.* A Relativist Account of Einstein's Relativity // *Social Studies of Science.* 1988. Vol. 18. P. 3--45.

[8] *Latour B.* How to Write The Prince for Machines as Well as for Machinations // *Brian Elliot* (Ed.) *Technology and Social Change.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988.